

Борова Асият Руслановна

ЭВОЛЮЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА АДЫГСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ АРХЕТИПОВ

В статье выявляются несколько моментов своеобразности процесса формирования эстетических представлений в адыгском фольклоре. Подчеркивается, что специфичность общественного развития адыгских народов обусловила виртуальный синкретизм различных стадийных форм фольклорного континуума и реального жизненного окружения, когда даже наиболее архаичные образы и символы эпоса осмысляются как действующие субъекты национального мира. Деструкция этой монолитной системы витально-эстетических воззрений связывается автором с кризисом и началом длительного процесса распада классического военно-аристократического общества черкесских племен и становлением современных адыгских народов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.** Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 2003. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=232> (дата обращения: 12.08.2014).
5. **Ильин И. А.** Против России // Ильин И. А. Наши задачи: статьи 1948-1954 гг. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. Т. I. С. 53-56.
6. **Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов** / под ред. М. В. Горбаневского. М.: Юридический Мир, 2006. 112 с.
7. **Кусов Г. В.** Оскорбление как иллюкутивный лингвокультурный концепт: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2004. 245 с.
8. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 12.08.2014).
9. **Неменский О.** Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 26-65.
10. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 2008. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244> (дата обращения: 12.08.2014).
11. **Русский викисловарь** [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 12.08.2014).
12. **Русский семантический словарь** [Электронный ресурс]: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения: 12.08.2014).
13. **Савельев А. Н.** Русофобия в России: 2006-2007 гг. (аналитический доклад) [Электронный ресурс]. URL: <http://savelev.ru/article/show/?id=479&t=1> (дата обращения: 12.08.2014).
14. **Словарь русского языка** [Электронный ресурс]: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240> (дата обращения: 12.07.2014).

STATEMENT OF FACT AND ABUSIVE COMMENT AS THE OBJECTS OF LINGUISTIC EXPERTISE

Bondarenko Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philology
State Fire Academy of Emergency Ministry of Russia
naturphilosophy@yandex.ru

The article examines the problem of qualification of statement of fact and abusive comment by the example of the analysis of a journalistic text. Differentiation of these conceptions in the juridical and philological practice is not doubted, at the same time the problem of functioning of the terms within the framework of juridical expertise is still insufficiently explored. The author examines the case when communicative perversion and factual negative information which can be tested for truth are represented by a common linguistic category. A word begins to perform a function of discredit both as an abusive comment and as a negative statement of fact.

Key words and phrases: abusive comment; statement of fact; negative information; communicative perversion; linguistic expertise; journalistic text.

УДК 82/821.35.0

Филологические науки

В статье выявляются несколько моментов своеобразности процесса формирования эстетических представлений в адыгском фольклоре. Подчеркивается, что специфичность общественного развития адыгских народов обусловила виртуальный синкретизм различных стадийных форм фольклорного континуума и реально-го жизненного окружения, когда даже наиболее архаичные образы и символы эпоса осмысляются как действующие субъекты национального мира. Деструкция этой монолитной системы витально-эстетических воззрений связывается автором с кризисом и началом длительного процесса распада классического военно-аристократического общества черкесских племен и становлением современных адыгских народов.

Ключевые слова и фразы: эпос; герой; этно-эстетическая доминанта; эпическая формула; адыгские фольклорные архетипы; этносоциум; культурные меты; суицидальный тип; национальная эстетика.

Борова Асият Руслановна, к. филол. н., доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
assbora@mail.ru

ЭВОЛЮЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА АДЫГСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ АРХЕТИПОВ®

Эпос «Нарты» принято называть общекавказским. Причем чаще всего это утверждение не даётся в виде прямой констатации, а окказионально выявляется в виде побочного и безусловного вывода: «...у каждого из народов Кавказа нартские сказания...» [9, с. 61]. Однако это – скорее дань традициям советской фольклористики и этнологии, научная идеология которых формировалась под влиянием концептуальных положений коммунистического мировоззрения, в ряду которых категории равноправия и интернационализма обладали

особым статусом. Кроме того, немаловажную роль в становлении подобной трактовки «Нартиады», возможно, сыграли стереотипы восприятия Северного Кавказа как единого цивилизационного региона, чётко проявленные еще в трудах дореволюционных наблюдателей. Поверхностный дилетантизм замечаний военных, торговцев, случайных путешественников вполне понятен [11, с. 9]. Но скрупулезные и педантичные наблюдения серьёзных исследователей резюмируются столь же безразлично-обобщенными выводами [2, с. 17]. Вполне вероятно, что эпическое наследие всех народов Северного Кавказа, а в некоторых случаях и Закавказья, базируется на единой культурной основе. Об этом говорит сквозной характер некоторых виртуальных объектов и мотивов, присутствующих в фольклоре всех народов региона, включая сюда и Армению. Но эпос «Нарты» в своем полном, парадигмальном виде бытует лишь у адыгов, карачаево-балкарцев и осетин. Далее на восток региона мы наблюдаем постепенное сокращение как фактического текстуального объема эпических сводов, так и сюжетики и персонажного ряда, добросовестными учеными, не отягощенными идеями социалистического толка, это было отмечено еще в середине XIX века [10, с. 28]. Главное же – аксиологический статус самих нартов: будучи главными положительными героями на Северо-Западном Кавказе, они трансформируются во враждебных людям гуманоидных чудовищ у чеченцев, ингушей и дагестанских народов. Это, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о том, что центральный действующий субъект эпоса – сообщество нартов, выступающее оперантом перцептивной идентификации, – воспринимается народами Восточного Кавказа как некий внешний агент, что закономерно снимает вопрос о бытовании «Нартов» в данной этнической среде в качестве аутентичного свода. Сравнение же адыгского, в частности кабардинского, фольклора с карачаево-балкарским или осетинским выявляет знаковую особенность трансляции адыгских эпических форм в более поздние тексты. В отличие от карачаево-балкарского устного творчества, или осетинского, адыгские народные произведения отмечены широким использованием эпических героев, устойчивых эпических формул и конкретных образов. Мало того, даже эпические произведения адыгской части «Нартиады» зачастую имеют своеобразные содержательные наращивания – несомненно, позднего происхождения – актуализирующие универсальный эпический, в некоторых случаях мифологический сюжет в поле этнической культуры и истории.

Так, например, в цикле сказаний о Сосруко неоднократно упоминаются конкретные патронимии, так или иначе связанные с именем центрального героя. К слову, в текстах неоднократно декларируется связь рода Кардановых и Сосруко [7, с. 351]. В некоторых вариантах сказаний фиксируются родственные связи эпических героев и тех или иных адыгских фамилий и географически точно локализуется место действия [Там же, с. 189].

Герои адыгского нартового эпоса продолжают жить в адыгском фольклоре, иногда в собственном облике, а иногда в своем новом, но вполне знакомом виде. Архаичное описание в исторических песнях представляет нам парадигмальную полноту описания эпического – от прямого буквального переноса традиционных формул до проекции общих презентативных моделей [6, с. 86, 87].

В своем полном парадигмальном виде переходит в фольклор адыгов и этно-эстетическая доминанта национального эпоса. В песенных текстах красота, достоинство, внешний вид героя полностью детерминированы наличием-отсутствием воинско-суицидальных интенций персонажа, его готовностью и даже стремлением к смерти ради чести.

Поэтому Андемиркан или любой другой позитивный герой историко-героических песен даже на визуальном уровне является носителем соответствующих эпических черт, равным образом его оппоненты также напоминают чудовищ «Нартиады». И вполне понятно, почему песенный враг Андемиркана – Беслан – даже не может ездить верхом. Передвижение на арбе не столько характеризует нам телосложение Беслана и его тучность, сколько удостоверяет несомненное эстетическое родство этого героя от исконных врагов народа – иныжей, хтонических существ, как правило, чрезмерно массивных и уродливых.

Употребление традиционных эпических формул и мотивов настолько прочно вошло в поэтическую практику адыгов, что эпические формулы весьма часто применяются по отношению к реалиям исторического времени. В тенденциальном виде это явление присуще всем национальным системам устного народного творчества. В частности, наблюдения за русским фольклором позволили Д. Лихачёву постулировать, что «мифологическое прошлое есть настоящее» [4, с. 262]. В более развернутом и конкретном виде эта же мысль дана в трудах Ю. Лотмана [5, с. 108].

Что же касается фольклора адыгов, повторимся: разноуровневые архетипы и мотивы национальной версии «Нартиады» так плотно насыщают общий фольклорный объем, что это явление можно воспринимать в качестве параметральной, конституирующей черты кабардинского устного народного словесного творчества.

Дело в том, что до определенного этапа некоторые жанровые области фольклора адыгов существовали и формировались как, прежде всего, элитарный феномен. Между социальными слоями адыгов никогда не было заметной разницы в материальной сфере и условиях существования, однако принципы общевитальной организации жизни различных страт, сословные стандарты мотивации поведения и порядки жизненных ценностных ориентиров кардинально отличались друг от друга [8, с. 69].

Именно сословный характер формирования определенных жанров кабардинского фольклора – в частности, это, вне всякого сомнения, относится к ранним пшинатлям и гыззам – предопределил необычайно продолжительное существование эпических этно-эстетических доминант во всей совокупности их компонентов. Упомынутое выше отнесенное единство и сходство художественных представлений мифологического, эпического, фольклорного происхождения в адыгской культуре объясняется именно протяженностью существования этносоциума, в течение нескольких веков сохранявшего свои основные конституирующие признаки и структуру. Аналогичное явление отмечено в русском эстетическом пространстве, что вообще говорит о стадийной

неизбежности подобного явления [5, с. 38]. Нет никаких причин думать, что ситуация в Кабарде была иной, хотя на всем Северо-Западном Кавказе народная память сохранила смутные сведения лишь об одном произведении, авторство которого приписывается аристократу (точнее – аристократке), – песне «Каншоби и Гошагах», известной и адыгам, и абазинам, и карачаево-балкарцам. Впрочем, сразу несколько народных песен, не имеющих официального авторства, явно субъектно-прототипичны, причем опыт лирического «Я» ощущаемого прототипа очевидно соотносится с названными в тексте героинями-дворянками [1, с. 100]. Рассуждая о возможности создания пшинатлей и гыбз представителями феодальных сословий, необходимо иметь в виду, что в определенном смысле культурные показатели аристократических сообществ являются своеобразными средствами легитимизации статуса феодала; такими же, как ограничения в возможных занятиях, обязательного набора атрибутов в виде вооружения и коня, поведенческих особенностей. При отсутствии возможности подчеркнуть своё высокое происхождение с помощью материальных атрибутов – а нормы дворянско-воинского этикета адыгов полностью исключали подобное – маркеры сословной дифференциации актуализировались в духовной области. Культурные социальные меты и барьеры принимали различную форму, и наиболее очевидными и жесткими из них являлись позиции иноэтничности и языковой инаковости. Как мы помним, в русском обществе лишь война 1812 года вернула русскую речь в аристократические салоны Санкт-Петербурга и Москвы. Что же касается адыгов, у них в полной мере присутствовали оба признака высшей степени сословной структуризации общества. Легенда об арабском происхождении элиты адыгских народов долгое время культивировалась и поддерживалась национальной аристократией, проникнув в источники различного уровня – от сводов устных преданий до научных этнографических наблюдений [8]. Существование же в адыгской дворянской среде особого языка также неоднократно зафиксировано внешними наблюдателями [3, с. 229]. Элитарность раннего фольклора адыгов обуславливала существование эстетических цензов словоупотребления и выстраивания образов. Это общее свойство словесного искусства феодальных устоявшихся обществ [12, с. 376]. Поэтому, как уже говорилось, песни аристократических сообществ выдержаны в единой композиционной схеме и характеризуются исключительно устойчивым составом концептов и сюжетов. Демократические сообщества воспроизводят окружающий мир и его события в гораздо более мобильных формах, поэтому в их текстах могут встречаться и эмотивные «приниженные» определения и эпитеты, в речи аристократа невозможные. Явление настолько устойчивое и чёткое, что может служить основанием для этнической атрибуции текста. Так, «Песня о Шурдуме Пшимахо» в академической фольклористике определена как кабардинская. Однако образный ряд песни исключает возможность её кабардинского происхождения.

Отрицание довлеющей ценности архаичной (эпической) этно-эстетической доминанты, как следует из анализа историко-героических песен «демократических» адыгских народов, начинается на уровне сугубо эстетических представлений. Если ранее сознание этноса позиционировало стремление к некоему стандарту поведения как позитивное, то с деидеализацией суицидального типа воина-одиночки происходит развенчание классического эталонного героя-аристократа и формируется соответствующее отношение к фольклорным свидетельствам – они начинают осознаваться как вымышленные, а сама фактология произведений приобретает характер эстетического действия.

Первично этот процесс затронул лексику и образность, затем изменил традиционную композицию пшинатлей и гыбз, в конце концов трансформация коснулась самой институтирующей базы национальной концепции прекрасного. Под сомнение была поставлена идея самодостаточности личности, идея её превалирующей ценности. Подобное изменение отношения к категориям индивидуального и общественного было, опять-таки, явлением, имевшим социально-общественные корни.

Исторический период, на протяжении которого элитарная верхушка адыгов ощущала себя единым потомством мифического арабского первопредка, закончился, по всей видимости, с усилением внешнего давления в конце XVII – начале XVIII века. В фольклоре адыгов начинается процесс этнической конкретизации, в ходе которого актуализируется идея общности и единства реально складывающихся народов. Формируется осознание неразрывной связи личности и группы, лидера и нации. Сохраненная на протяжении многих веков этно-эстетическая доминанта эпического происхождения продолжает определять эстетические запросы слушателей, но теперь она перемещается из условного пространства художественных представлений элиты в контекст реальных социальных отношений и экономических связей. Суицидальный образ воина-агрессора, для которого не существует ничего, кроме его попытки подняться над смертью, вытесняется модернизированным и востребованным героем-носителем идеи и возможности этнической консолидации. Речь шла о формировании эстетики народа – не какой-то его отдельной страты или страт, а некой целостности, живущей в едином мире и по единым для всех них законам. И переход к этой новой витальности, новому осознанию себя в этом мире требовал реформации основных компонентов национальной эстетики, а в словесном творчестве – изменения ценностных критериев, концептуалистики, образности и подвижек в жанровой системе адыгского фольклора.

Список литературы

1. **Адыгские песни времен кавказской войны.** Нальчик: Эль-Фа, 2005. 437 с.
2. **Бларамберг И.** Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1992. 396 с.
3. **Клапрот Ю.** Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 294 с.
4. **Лихачёв Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 352 с.
5. **Лотман Ю. М.** О русской литературе // Лотман Ю. М. Статьи и исследования (1958-1993). СПб.: Искусство-СПб, 1997. 386 с.
6. **Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов.** М.: Советский композитор, 1986. Т. 3. Ч. I. 589 с.

7. **Нарты:** адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 569 с.
8. **Ногмов Ш.** История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.
9. **Петросян А.** История народа и его эпос. М.: Наука, 1982. 372 с.
10. **Услап П.** Народные сказания кавказских горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. М.: Адир, 1992. 689 с.
11. **Швецов В.** Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинском и домашнем духе. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 265 с.
12. **Шлегель Ф.** Разговор о поэзии. М.: Наука, 1983. Т. I. 436 с.

EVOLUTIONAL SPECIFICS OF ADYGE FOLKLORIC ARCHETYPES

Borova Asiyat Ruslanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
assbora@mail.ru

The article reveals certain peculiarities of the process of forming esthetic conceptions in Adyge folklore. The paper emphasizes that specificity of social development of the Adygei peoples conditioned the virtual syncretism of the various phased forms of folkloric continuum and reality when even the most archaic images and symbols of an epos are interpreted as the real subjects of a national world. The author attributes the destruction of this monolithic system of vital esthetic conceptions to the crisis and continuous process of decay of the classical military and aristocratic society of Circassian tribes and formation of the modern Adygei peoples.

Key words and phrases: epos; character; ethno-esthetic dominant; epic formula; Adygei folkloric archetypes; ethno-society; cultural marks; suicidal type; national aesthetics.

УДК 811.163.3

Филологические науки

В статье рассматриваются две точки зрения на статус тройного артикля, представленные в македонской грамматической традиции. Согласно первой, пространственные артикли (-ов, -он) – это ослабленные формы указательных местоимений, обладающие всеми функциями демонстративов, собственно артиклевую функцию выполняет только член -от. Согласно второй – в македонском языке представлена уникальная система определенного артикля, в которой основное категориальное значение определенности сочетается с указательным значением. Автор придерживается второй точки зрения.

Ключевые слова и фразы: македонский язык; система указателей; тройной артикль; дейктическая ситуация; функции артикля.

Боронникова Наталия Владимировна, к. филол. н., доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет
natboronnikova@rambler.ru

СТАТУС ТРОЙНОГО ЧЛЕНА В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ©

Система демонстративов современного македонского языка включает три составляющих, противопоставленных по признаку «указание на степень удаленности предмета» от говорящего, а точнее, от говорящего и слушающего как членов коммуникативной диады. Демонстратив с корнем *-в* указывает на предмет, близкий от говорящего, с *-т* – на предмет, находящийся в сфере адресата, с *-н* – на удаленный от говорящего или от адресата референт. Подобная система наблюдается еще в двух балканских ареалах, пограничных с македонской языковой территорией: торлакских диалектах сербского языка и родопских болгарского.

По признаку «степень удаленности» в македонском языке противопоставляются субстантивные и адъективные указательные местоимения, определительные местоимения, определенные артикли, указательные частицы, наречия и др. Ядром системы указателей являются указательные местоимения (*овој, тој, оној*) и восходящие к ним артикли (членные морфемы в южнославянской грамматической традиции: *-ов, -от, -он*). В статье рассматривается проблема грамматического статуса тройного члена в македонском языке.

Определенная членная морфема представляет собой регулярный грамматический показатель известности, идентифицированности референта, обозначенного именем существительным, который присоединяется к флексии имени или первого члена именной группы (ср.: *човек – човеком* „человек – этот человек“, *висок човек – високиот човек* „высокий человек – этот высокий человек“, *висок убав човек – високиот убав човек* „этот высокий красивый человек“ и др.). Форма с артиклем получила наименование членной, или определенной, без артикля – общей, или неопределенной. Второй член семантической оппозиции «определенность / неопределенность» – неопределенность – в македонском языке грамматически не оформлен.